

Культура Китая интересна и неповторима. Она имеет глубокое духовное содержание: «Во всех областях искусства, будь то поэзия, живопись, хореография, либо театр, китайцы достигли больших высот, уделяя внимание духовному содержанию, ядро которого составляли нравственно-этические проблемы и любование природой» [1, с. 6–7]. И. Смирнов пишет о возникновении этой культуры: «Возникает уникальная культура, создаваемая людьми уникального духовного склада, возникает не в одно столетие, не сразу, и не сразу становится очевидной сущность этой культуры, которая, будучи легко воспроизводимой в своих частях, остается неповторимым целым, нерасторжимым единством» [2, с. 9].

Народ Китая исключительно восприимчив к художественному творчеству вообще и особенно к поэзии и музыке. Свидетельствует об этом и древняя книга «Шицзин», и замечательные поэтические творения китайских авторов.

Поэзия – один из основных жанров китайской классической литературы. Этот жанр вначале был синкретичным, неотделимым от музыки. Следы того, что в древности стихи могли исполняться под аккомпанемент музыкальных инструментов, сохранились, например, в стихотворении Цао Чжи «Песня»: «Волнуются струны // И вторят сильней // Взволнованной песне // О горечи дней» [3, с. 63]. В поэтическом жанре подлинные шедевры создала Ли Цинчжао – поэтесса эпохи Сун.

Взросшая в атмосфере высокой культуры, Ли Цинчжао писала прекрасные стихотворения, посвященные вечным жизненным и философским категориям – любви, дружбе, добру и злу и т.д. Ее стихотворения исключительно лиричны, они дают возможность увидеть как грусть, так и «...жизнерадостность и восторженность поэтессы в ее восприятии вещей и явлений окружающего мира» [4, с. 7].

Ли Цинчжао создавала свои произведения в жанре «цы». Этот жанр был принесен в художественную литературу народной поэзией. Тема любви была одной из главных тем «цы». Л. Эйдлин писал о рассматриваемом жанре: «Цы, в отличие от ши, состоят из неравных строк и сочинялись на определенные мелодии – вначале музыка, а затем стихи. Названия мелодий остались и впоследствии, когда стихи цы потеряли музыкальное сопровождение, уже теперь неизвестное нам и определяемое лишь по манере размещения неравнословных строк» [5, с. 195]. Следует подчеркнуть, что написание произведений в жанре «цы» требовало от авторов значительного мастерства: чтобы составить стихотворения, состоящие из определенного количества иероглифов, строк и строф, нужно было учитывать особенности сочетания слов, тональности иероглифов, рифму, структуру строфы и др. Рассмотрим стихо-

творные произведения Ли Цинчжао, размещенные в сборнике «Строфы из граненой яшмы» [6], и определим, какие особенности китайской национальной языковой картины мира в нем выражаются.

Прежде всего необходимо отметить, что поэзия Ли Цинчжао продолжает одну из традиций китайской поэзии – традицию печалей. Л. Эйдлин отмечал в связи с этим: «Есть традиция печалей китайского поэта. Но она лишь ветвь всей культурной традиции Китая, так и не отступившей в тень, а проявляющей себя и обновляющейся различным образом» [5, с. 199]. Много грусти и печали разлито в стихах указанного сборника: «Было счастье – и кончилось вдруг!..» [6, с. 21], «И душа паутиною грусти // Крепко-крепко оплетена» [6, с. 23], «Даже во сне совладать // С грустью не суждено!..» [6, с. 33] и др.; это чувство может интенсифицироваться и доходить до скорби: «Гляжу на лес и всей душой скорблю...» [6, с. 27]; грусть иногда сопряжена с неопределенностью: «Свечи давно не курятся, // И опустели бокалы. // Грустно мне так и тревожно, // А отчего – я не знаю» [6, с. 35]. Грусть объективируется не только в душе лирической героини, но и в окружающем мире: «Вот и снова уходит весна...» [6, с. 23], «Боюсь, цветам не пережить весны» [6, с. 25], «Ветер западный – так обидно! – // Холодам не дает уйти» [6, с. 32] и др.

Состояние окружающего мира ассоциируется у Ли Цинчжао с состоянием внутренним: «Цветы, облетевшие с веток, // Уносит куда-то волною. // Пусть разлучены мы // Судьбою, // Но в мыслях – // Мы вместе с тобою» [6, с. 58] и др. Поэтесса ощущает разочарование в жизни и одиночество: «Сколько мной пережито!.. О том // С ветром я поделюсь и с луной. // Вот и старость! А в жизни моей // Ни успеха, ни ярких примет. // Кто теперь посочувствует мне // И печаль кто разделит со мной?..» [6, с. 62]. Она недовольна своим творчеством: «“Вся моя жизнь – постиженье // Трудного дела поэта, // Но совершенных так мало // Мною написано строк!..”» [6, с. 67]. Ли Цинчжао считает, что поэт не может передать звуки природы, это непосильное дело для него: «Тайнами рифм и созвучий // Я овладела давно. // Но и теперь не постигну // Лепет невнятный дождя» [6, с. 82]. Вдохновение, по ее мнению, неподвластно времени: «Жизненный путь бесконечен, // Все исчезает в веках. // Но вдохновенье не будет // Временем сметено!..» [6, с. 83]. А могущество печали распространяется на все «возможные миры»: «Мир неземной и земной – // Подвластны печали одной» [6, с. 70]. Без любимого она не видит смысла в жизни: «Мир неизменен. Но тебя в нем нет. // В чем жизни смысл – того мне не понять» [6, с. 78], даже красотой сливы *мэйхуа* в одиночестве бессмысленно любоваться: «Вырос посаженный мною // Куст мэйхуа над рекой. // Только зачем любоваться // С башни им буду одна?» [6, с. 81]. Страсть и утеху поэтесса тоже хочет разделить с кем-нибудь: «Страсть к поэзии с кем разделю, // С кем утеху найду в вине?» [6, с. 49].

В поэзии Ли Цинчжао постоянно объективируется гендерный аспект. Он проявляется, например, в описании волос, присутствующем во многих стихотворениях: «Не в силах встать – лежу во власти грез, // И не нужны заколки для волос» [6, с. 26], «Помню, веточку алых цветов, // Захмелев, я в прическу вплела. // Но осыпались эти цветы // И моих не украсят волос. // Неумные слезы бегут, // Стала мокрой одежда от слез» [6, с. 34], «И я встаю. Но только

нет желанья // Прическою заняться, как бывало. // Ларец с заколками покрылся пылью – // Я так давно его не открывала!» [6, с. 46] и др.

В поэзии Ли Цинчжао большое место занимает образ сливы *мэйхуа*. Поэтесса вначале считает ее слишком простой: «Пусть утопает мэйхуа в цветах, // И все же слишком прост ее наряд» [6, с. 36]. Метафоризируя, поэтесса говорит о гуйхуа – дереве из семейства лавровых: «Ревнует мэйхуа, // И хризантема // Вздыхает, недовольная судьбою, // Когда в беседке, // В Праздник Полнолуния, // Все восхищаются одной тобою» [6, с. 42]. В стихотворении «Ветер ласковый, теплый дождь...» мэйхуа и ива символизируют приход весны: «Только взглянешь на иву и мэй, // Как весны ощутишь приход» [6, с. 49]. Веточка мэй – дар любимому в стихотворении «Подул ветерок. Первый дождик закрапал»: «Душистую веточку мэй сорвала я – // Хотелось послать мне любимому в дар. // Но нет никого на земле // И на небе, // Увы, никого, кто б ее передал» [6, с. 55]. Поэтесса сравнивает мэйхуа с красавицей: «Словно красавица вышла // И без забот, без печали // Тут же, в саду, примеряет // Новый весенний наряд» [6, с. 68]. Она считает мэйхуа совершенством: «С ней совершенством сравниться // Прочим цветам не дано» [6, с. 69].

Не только образ *мэйхуа* эксплицируется в рассматриваемых поэтических произведениях. Растительный мир богато представлен в стихах Ли Цинчжао (пальма, гуйхуа, лотос и др.). Это не случайно, поскольку символика Китая, «...как страны древней земледельческой культуры, исстари связана с образами природы. Каждое растение, каждый цветок сопоставлялись народной мудростью с наблюдениями законов жизни природы и с человеческими качествами» [7, с. 120]. Поэтесса душой общается с растительным миром: «В вине, пожалуй, я забудусь снова, // И упрекнуть за то меня не смеют: // Я не пила еще за хризантемы, // Что у плетня восточного желтеют» [6, с. 53] и др. В стихотворении «Не радуется лотос увядший...» она показывает возможность вступить в коммуникацию с представителем животного мира: «Письмо мне // Не гусь ли доставит? // Кричит он, // В ночи пролетая...» [6, с. 58] и др.

Таким образом, даже в переводах китайских стихов на русский язык выявляются особенности китайской национальной языковой картины мира: традиция печалей китайского поэта, проявление гендерного аспекта, внимание к описанию растительного мира. Изучение китайской поэзии дает возможность увидеть красоту и неповторимость восточной культуры, узнать об интересных реалиях страны, оценить глубокомыслие и красоту души поэтессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ли, Хайжуй*. Китай. Знакомство с древней культурой / Ли Хайжуй, Фэн Линьюй, Ши Вэйминь / сост., пред. Н. Х. Ахметшина. – М. : Вече, 2007. – 208 с.
2. *Смирнов, И.* Закат поэзии, или поэзия заката / И. Смирнов // Китайская классическая поэзия. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – С. 5–22.
3. *Цао, Чжи*. Семь печалей : стихотворения / Цао Чжи / пер. с кит., вступ. ст. и примеч. Л. Черкаского. – М. : Худож. лит., 1973. – 166 с.
4. *Басманов, М.* Предисловие / М. Басманов // Ли, Цин-Чжао. Строфы из граненой яшмы : стихи / Ли Цин-Чжао. – М. : Худож. лит., 1974. – С. 5–18.
5. *Эйдлин, Л.* Китайская классическая поэзия / Л. Эйдлин // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии : переводы. – М. : Худож. лит., 1977. – С. 193–203.

6. *Ли, Цинчжао*. Строфы из граненой яшмы : стихи / Ли Цинчжао. – М. : Худож. лит., 1974. – 101 с.
7. История зарубежного искусства : учебник / Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобраз. искусств ордена Ленина Акад. художеств СССР ; под ред. М. Т. Кузьминой, Н. Л. Мальцевой. – М. : Изобраз. искусство, 1983. – 488 с.